

жденія при перемѣнѣ условій. Но еще ужаснѣе личная драма русской народной учительницы, этой свѣтлой подвижницы, на которую похотливое совѣтское начальство смотритъ не иначе, какъ на доступную наложницу. Сколько случаевъ дикихъ насилій надъ нею можно привести даже изъ совѣтской печати!..

Неудивительно, что всѣ, кто можетъ, бѣгутъ отъ школы, *предпочитая любое занятіе учительству*. И несмотря на громадную нужду въ учителяхъ, среди русскихъ народныхъ учителей, по совѣтскимъ даннымъ этого лѣта, свирѣпствуетъ большая и длительная безработица.

Такъ изуродовала совѣтская власть условія работы русскаго народнаго учителя, которыя передъ самой войной быстро улучшались. Одного не смогла эта власть добиться: совершенно убить живой и свѣтлый духъ русскаго народнаго учителя, растлить и вытравить высокія школьныя традиціи, которыя были переданы ему, какъ знамя, прежними поколѣніями строителей великой культурной Россіи.

Б. Никольскій.

III. ЧТО ДАЛА РЕВОЛЮЦІЯ РУССКОМУ РАБОЧЕМУ?

Большевицкая революція была не только политическимъ переворотомъ (захватъ государственной власти), но и социальнымъ (передѣлъ имущества) и коммунистическимъ (захватъ пролетаріатомъ всей частной собственности). Поэтому она помимо власти, должна была дать русскимъ рабочимъ всевозможныя матеріальныя блага во всей ихъ полнотѣ. Въ началѣ революціи именно эти посулы имѣли рѣшающее значеніе въ глазахъ одурманенныхъ коммунистической словесностью народныхъ массъ.

Коммунизмъ, уничтожая «капиталистическую эксплуатацію» рабочихъ, долженъ былъ радикально улучшить ихъ матеріальное положеніе, какъ по сравненію съ русскимъ прошлымъ, такъ и по сравненію съ современнымъ положеніемъ промышленныхъ рабочихъ во всемъ остальномъ мірѣ.

Нижеслѣдующія краткія данныя, почерпнутыя исключительно изъ совѣтскихъ источниковъ, должны дать отвѣтъ на вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ эта цѣль была достигнута за 10 лѣтъ большевицкаго господства и экспериментированія надъ Россіей.

Заработная плата. Первые же годы коммунистическаго хозяйничанья привели къ тому, что заработная плата русскихъ

рабочихъ при «военномъ» (т. е. послѣдовательно и сурово проводимомъ) коммунизмѣ упала до уровня, какого она никогда еще не достигала ни въ одной капиталистической странѣ. Въ январѣ—мартѣ 1921 г. она равнялась въ среднемъ 13% довоенной платы (3 р. 36 к. въ мѣсяцъ въ такъ назыв. бюджетныхъ рубляхъ, изъ которыхъ 23 коп. деньгами, остальные натурой)*).

Въ послѣдующіе годы, по мѣрѣ того, какъ большевики под давлениемъ хозяйственной необходимости отказывались отъ демагогической болтовни въ стѣнахъ своихъ предприятий, заработная плата постепенно росла.

Этотъ ростъ — по сравненію съ средней довоенной платой промышленнаго рабочаго и съ учетомъ покупательной способности червоннаго рубля (реальная заработная плата) — совѣтская статистика изображаетъ слѣдующимъ образомъ*):

Заработная плата (мѣсячная) въ %% къ 1913 г.:

1913	100,0
1922—23	49,2
1923—24	67,1
1924—25	82,6
1925—26	93,7
1926—27 (1-е полугодіе)	100,0

Итакъ, по даннымъ самой совѣтской статистики потребовалось 10 лѣтъ для того, чтобы довести заработную плату русскихъ рабочихъ до уровня, на которомъ она находилась въ пору — съ точки зрѣнія большевиковъ — «злѣйшей» эксплуатаціи русскихъ рабочихъ частной промышленностью. Въ то же время сами большевики признаютъ, что въ большинствѣ капиталистическихъ странъ Европы и Америки реальная заработная плата промышленныхъ рабочихъ повысилась по сравненію съ довоеннымъ временемъ.

Но и эта заработная плата оказывается для коммунистическихъ хозяевъ русской промышленности экономически неносильной. Отсюда постоянные разговоры о томъ, что ростъ заработной платы угрожающе обгоняетъ плановыя предположенія; отсюда же хроническія задержки выплаты заработной платы и т. п.

Рабочее время. Если «мы» и не могли еще поднять заработокъ русскаго рабочаго выше довоеннаго, — говорятъ большевики — зато мы одни во всемъ мірѣ осуществили 8-часовой

*) Ср. Ковалевскій, 10 лѣтъ экономической политики пролетариата, «Плановое Хозяйство», 1926, X, стр. 27.

*) Рабиновичъ: Движеніе зарплаты и производительности труда. «Эконом. Жизнь», № 179 (9 августа 1927 г.).

рабочій день. Оффіціальная статистика даже указываетъ, что средній рабочій день въ промышленности СССР составлялъ въ 1926 г. 7.6 часовъ въ день.

Но въ эту среднюю не включены сверхурочныя работы, массовымъ примѣненіемъ которыхъ большевики обходятъ 8-часовую норму. Въ своемъ докладѣ на IV пленумѣ ВЦСИС (Всесоюзнаго Центрального Совѣта Профессіональных Союзовъ) Каплунъ сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія о примѣненіи сверхурочныхъ работъ на Украинѣ въ 1926 г. (по отчету «Труда», № 132, 10 июня 1926 г.):

«На Украинѣ по всеѣмъ производствамъ въ мартѣ т. г. 30% рабочихъ работали сверхурочно и на каждого приходилось въ мѣсяць 28 сверхурочныхъ часовъ. По металлургіи сверхурочно работало 70% всеѣхъ рабочихъ и на каждого рабочаго приходилось 40 часовъ. Положеніе явно неблагополучное».

О широкомъ примѣненіи сверхурочныхъ работъ имѣются также данныя по горной промышленности («Вопросы Труда», мартъ 1927 г., стр. 86—88), при чемъ авторъ статьи указываетъ на то, что кромѣ «оффіціальныхъ» сверхурочныхъ работъ на совѣтскихъ фабрикахъ и заводахъ широко практикуются и «неоффіціальныя» сверхурочныя работы, никакой статистикой не регистрируемыя: «такія замаскированныя сверхурочныя работы, являясь по существу наихудшимъ видомъ сверхурочныхъ работъ, статистическимъ учетомъ не охватываются. Поэтому цифры, приведенныя выше, нужно считать преуменьшенными».

Несмотря на то, что по признанію самихъ большевиковъ, 8-ми часовой рабочій день на практикѣ не былъ еще вездѣ проведенъ, совѣтская власть объявила въ юбилейномъ октябрьскомъ манифестѣ о предстоящемъ введеніи въ СССР 7-ми часового рабочаго дня (для промышленныхъ рабочихъ). Истинныя мотивы этой мѣры были двоякаго рода. Во-первыхъ, какъ это явствуетъ изъ рѣчи, произнесенной Рыковымъ въ Харьковѣ на съѣздѣ украинской коммунистической партіи («Эк. Жизнь», 26 ноября 1927 г.), сокращеніе рабочаго времени и связанный съ нимъ переходъ отъ работы на двѣ смѣны къ работѣ на три смѣны долженъ былъ явиться средствомъ поглощенія хотя бы части той массы безработныхъ, которая доставляетъ все больше заботъ совѣтской власти. Во-вторыхъ, проведеніемъ этой мѣры преслѣдовалась цѣль оживить стынуція симпатіи европейскихъ рабочихъ къ коммунистической диктатурѣ въ Россіи, хотя при этомъ большевики не скрывали отъ самихъ себя, что практическое проведеніе этой демагогической мѣры связано для нихъ съ цѣлымъ рядомъ затрудненій финансоваго и иного свойства (отсутствіе квартиръ для третьей смѣны, тамъ гдѣ она должна быть введена). Объ этомъ прямо заявилъ извѣст-

ный коммунистъ Манцевъ, предсѣдательствовавшій на посвященномъ этому вопросу собраніи въ Москвѣ 1 декабря 1927 г.: «Семичасовой рабочий день прежде всего является лозунгомъ въ борьбѣ рабочаго класса. Проводимый у насъ практически, онъ вызываетъ большія симпатіи въ пролетариатѣ Запада... Практическое же осуществленіе у насъ 7-ми часового дня, конечно, встрѣчаетъ большія затрудненія». («Эк. Жизнь», 2 декабря 1927 г.).

Первый опытъ проведенія 7-ми часового рабочаго дня на 16 текстильныхъ фабрикахъ московскаго района, произведенный въ январѣ 1928 г., показалъ, насколько значительны эти затрудненія, и уже черезъ нѣсколько дней Народный комиссаръ труда Шмидтъ долженъ былъ заявить, что «опытомъ этихъ нѣсколькихъ предпріятій надо ограничиться въ текущемъ году» («Трудъ», 21 января 1928 г.). Такимъ образомъ, практическое проведеніе этой демагогической мѣры откладывается, невидимому, на неопредѣленное время.

Несчастные случаи. Хотя большевики и утверждали всегда, что частная промышленность не принимала достаточныхъ мѣръ для охраны жизни и здоровья рабочихъ, но въ коммунистической промышленности число несчастныхъ случаевъ (считая на 1000 занятыхъ рабочихъ) больше, чѣмъ въ дореволюціонное время: и кромѣ того оно обнаруживаетъ тенденцію къ росту — по мѣрѣ того какъ все болѣе изнашивается такъ «дешево» доставшееся большевикамъ въ наслѣдство отъ буржуазнаго строя оборудование фабрикъ и заводовъ. Каплуновъ въ статьѣ «Охрана труда и рационализация производства» («Экон. Жизнь», № 104, 11 мая 1927 г.) приводитъ слѣдующія поквартальные данныя: «Третій кварталъ 1925 г. давалъ на 100 000 проработанныхъ человеко-дней въ среднемъ 30 травмъ съ утратой трудоспособности: четвертый кварталъ—32.5; первый кварталъ 1926 г.—38.8, второй кварталъ—45, третій кварталъ—46.3, а четвертый—48.0. Такимъ образомъ мы видимъ, что за 1½ года число учтенныхъ несчастныхъ случаевъ возросло примѣрно въ 1½ раза».

Жилищныя условія. Въ области жилищныхъ условій коммунистическая власть, наиболѣе нагляднымъ, осязательнымъ образомъ улучшила, казалось бы, условія жизни рабочихъ въ смыслѣ всеобщаго «поравненія»: дома были «націонализированы» или муниципализированы; съ рабочихъ, какъ съ привилегированнаго класса, взымалась относительно ничтожная квартирная плата; кромѣ того изъ десятковъ тысячъ домовъ были выселены (или уплотнены «до отказа») ихъ прежніе «буржуазные» обитатели и на ихъ мѣсто вселены были рабочіе.

Результатъ этого «квартирнаго передѣла» былъ одинъ и тотъ же и для старыхъ и для новыхъ рабочихъ жилищъ:

вслѣдствіе отсутствія ремонта и ухода — дома стали разрушаться и жилищная площадь на одного рабочего уменьшаться. Большевики считают минимальной «санитарной» жилищной нормой 8 кв. метровъ на человека. Между тѣмъ фактическая средняя жилая норма по городамъ СССР составляетъ всего 6 кв. метровъ на человека. Это — въ среднемъ; въ отдѣльныхъ же случаяхъ она уменьшается до «гробовой нормы» (выраженіе, принятое въ совѣтской печати).

Большевики разрабатываютъ грандіозные планы строительства рабочихъ жилищъ. Но произведенныя ими разрушенія таковы, что они сами признаютъ, что даже при условіи осуществленія разработаннаго ими пятилѣтняго плана жилищнаго строительства (т. е. при условіи, какъ показалъ опытъ, весьма мало вѣроятномъ)—жилищная нужда въ русскихъ городахъ можетъ только ухудшаться. Вотъ что писали объ этомъ недавно московскія «Извѣстія» (И. Кожаный. «Борьба за здоровое рабочее жилище», № 148, 2 іюля 1927):

«Для сохраненія жилой нормы въ 6 кв. метровъ (вмѣсто санитарной 8 кв. метр.) пришлось бы въ теченіе нынѣшняго пятилѣтія истратить не менѣе 4½—5 миллиардовъ рублей. По пятилѣткѣ Госплана СССР на рабочее жилищное строительство въ теченіе этого пятилѣтія (1927—1931) можетъ быть отпущено 2 290 милл. рубл. Ясно, что въ ближайшіе годы насъ ожидаетъ дальнѣйшее уменьшеніе фактической душевой жилищной нормы».

Если денежная заработная плата совѣтскаго рабочего, по ея покушнн способности, и приближается къ дореволюціонной, то это возможно было до сихъ поръ только благодаря тому, что рабочіе почти ничего не платятъ за свои квартиры, ибо «расходы на квартирную плату составляютъ въ среднемъ по СССР около 4% всего бюджета трудящихся» («Правда», № 178, 7 августа 1927). Это важно запомнить. Это значитъ, что если бы большевики установили квартирную плату, соотвѣтствующую расходамъ по содержанію и возстановленію домовъ, т. е. прекратили бы продаваніе и расхищеніе доставшагося имъ домового капитала, то автоматически понизилась бы на 20—25% реальная заработная плата.

Безработица. Растущая безработица представляетъ собою въ полномъ смыслѣ слова язву совѣтскаго хозяйства. Дореволюціонная Россія не знала безработицы, какъ массоваго и хроническаго явленія. Быстро развивавшаяся промышленность въ періодъ 1900—1914 г.г. съ легкостью поглощала избыточное населеніе деревни. Не то теперь. «Безработица это—огромное зло, которое большой тяжестью виситъ на нашемъ государствѣ»—говорилъ Куйбышевъ въ своемъ докладѣ XV партійной

конференціи. Тотъ же коммунистъ правильно опредѣлялъ въ своемъ докладѣ основную причину этого роста безработицы: «Наша безработица объясняется земельнымъ перенаселеніемъ, объясняется тѣмъ, что новые и новые кадры выталкиваются изъ деревни, благодаря происходящему тамъ разслоенію, благодаря тяжелому положенію, въ которомъ находится крестьянство вообще».

Да, совѣтская безработица это — нашествіе на городъ избыточнаго сельскаго населенія.

Эта армія безработныхъ непрерывно растетъ и насчитываетъ сейчасъ круглымъ числомъ полтора милліона человекъ (на 1 октября 1926 г. — 1 070 000, на 1 мая 1927 г. — 1 428 000, см. «Правда», отъ 7 іюня 1927 г.).

Если къ осени 1927 г. безработица («зарегистрированная») нѣсколько сократилась, то это отчасти является слѣдствіемъ «нѣкоторыхъ ограниченій регистраціи въ отношеніи впервые ищущихъ труда», введенныхъ съ весны 1927 г. и имѣвшихъ цѣлью ограничить приливъ новыхъ безработныхъ изъ деревни. (См. Я. Гиндинъ, «Планъ борьбы съ безработицей на 1927—28 г.», «Правда», 23 октября 1927 г.).

Какъ же обезпечиваетъ коммунистическая власть эту массу безработныхъ, которыхъ она безсилна занять производительнымъ трудомъ? Въ своихъ демагогическихъ выступленіяхъ за предѣлами СССР (напр., на состоявшейся въ маѣ 1927 г. въ Женевѣ Міровой Экономической Конференціи) большевики неизмѣнно выставляютъ для другихъ требованіе о томъ, чтобы безработные были обезпечены пособиями: 1) всѣ, 2) въ размѣрѣ полнаго средняго заработка.

Это мѣрка для другихъ. Но сама совѣтская власть далека отъ осуществленія у себя этихъ требованій.

Во-первыхъ, пособие по случаю безработицы получаютъ менѣе половины зарегистрированныхъ безработныхъ (а это еще далеко не всѣ). Изъ зарегистрированныхъ на 1 мая 1927 г. 1 428 000—пособіе получали около 600 000 («Правда», 7 іюня 1927 г.). По другимъ даннымъ эта пропорція еще меньше. Изъ числившихся въ ноябрѣ 1926 г. 1 254 000 безработныхъ на пособіи состояло всего 330 500 (см. Минцъ, Современное состояніе безработицы въ СССР, «Статистическое Обзорѣніе», 1927 г., мартъ, стр. 33).

Во-вторыхъ, меньшинство безработныхъ, получающее пособие, далеко не получаетъ его въ размѣрѣ полнаго средняго заработка. Въ началѣ 1927 г. безработные были раздѣлены на 3 категоріи; I категорія получаетъ 33% средняго заработка, II — 25% и III — 20% («Извѣстія», 2 апрѣля 1927 г.). Въ червонныхъ рубляхъ средняя норма пособій составляетъ 18 р. (въ мѣсяцъ) по первой категоріи и 12 р. — по второй.

Кромѣ принимающей все болѣе грозные размѣры безработицы, большевикамъ приходится считаться съ небывалой те-

кучествомъ рабочаго состава. Происходить непрерывное переселеніе рабочихъ съ одного завода на другой. «На нѣкоторыхъ заводахъ Донецкаго бассейна составъ рабочихъ въ теченіе одного года обновлялся три раза» («Экон. Жизнь», 26 августа 1927 г.). На заводахъ Югостали «въ мартеновскихъ цехахъ нѣкоторыхъ заводовъ въ теченіе 5 мѣсяцевъ составъ рабочихъ мѣнялся три раза» («Эк. Жизнь», 27 августа 1927 г.).

Это массовое пролетарское бродяжничество свидѣтельствуешь, съ одной стороны, о неудовлетворенности русскихъ рабочихъ подѣ совѣтскимъ игомъ, объ ихъ попыткахъ постоянной перемѣной мѣста работы улучшить свое положеніе. Съ другой стороны оно является лишнимъ подтвержденіемъ того, что въ огнѣ «пролетарской» революціи погибъ и разсѣялся старый классъ опытныхъ, квалифицированныхъ рабочихъ, сравнительно осѣдлыхъ, обладавшихъ также известными традиціями и навыками, которыхъ нѣтъ у молодежи коммунистическаго набора. Словомъ подтверждаются слова Дзержинскаго, сказанныя имъ больше года тому назадъ въ его предсмертной «исповѣди»: «у насъ исчерпался запасъ квалифицированной рабочей силы и мы сейчасъ стоимъ вплотную передъ необходимостью его возстановленія».

Революція, произведенная подѣ знаменемъ «рабоче - крестьянской власти» не только растратила доставшіеся ей капиталы, не только хищнически растратила жилищный фондъ, она «растратила» русскаго рабочаго.

В. Гефдингъ.

IV. ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

(Историческіе матеріалы)*).

1. Если ты ведешь политическую борьбу за порабощенную Родину и эта борьба заставляетъ тебя совершать поступки, которые твой врагъ признаетъ политическими преступленіями, то ты долженъ *заранѣе приготовиться* къ тюрьмѣ. ссыт-

*) Этотъ документъ былъ доставленъ въ редакцію нашимъ сотрудникомъ при письмѣ:

Милостивый Государь, г. Редакторъ!

На-дняхъ мнѣ переслали нижеслѣдующую, циркулирующую по рукамъ записку. Не признаете ли возможнымъ напечатать этотъ интересный документъ въ качествѣ историческаго матеріала, столь характернаго и поучительнаго для переживаемаго нами трагическаго времени? Привожу его въ копін.

Съ истиннымъ уваженіемъ

Старый Политикъ.